

Министерство образования Республики Беларусь
Белорусское общественное объединение преподавателей русского языка и литературы
Белорусский республиканский фонд фундаментальных исследований
Представительство Россотрудничества в Республике Беларусь –
Российский центр науки и культуры в Гомеле
Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Московский педагогический государственный университет (Покровский филиал)
Пензенский государственный университет

ТЕКСТ. ЯЗЫК. ЧЕЛОВЕК

Сборник научных трудов

Мозырь
МГПУ им. И. П. Шамякина
2019

УДК 81.161. (08)
ББК 81.2 Рус
Т30

Печатается по решению научно-методического совета
УО МГПУ им. И. П. Шамякина (протокол № 3 от 10.05.2019)

Редакционная коллегия

С. Б. Кураш,
А. М. Амагов,
Г. И. Канакина,
В. В. Шур,

кандидат филологических наук, доцент (ответственный редактор);
доктор филологических наук, профессор;
кандидат педагогических наук, профессор;
доктор филологических наук, профессор

Рецензенты :

доктор филологических наук
Е.В. Ничипорчик (Гомель, Беларусь);
доктор филологических наук
И.И. Чумак-Жунь (Белгород, Россия)

Печатается согласно плану научных и научно-практических мероприятий
УО МГПУ им. И. П. Шамякина
и приказу по университету № 425 от 02.05.2019 г.

Т30 **Текст.** Язык. Человек : сб. науч. тр. / УО МГПУ им. И. П. Шамякина ; редкол.:
С. Б. Кураш (отв. ред.) [и др.]. – Мозырь, 2019. – 302 с.

ISBN 978-985-477-676-7.

В сборнике представлены статьи, отражающие содержание докладов X Международной научной конференции «Текст. Язык. Человек», проведённой в рамках Недели русского слова в Мозырском государственном педагогическом университете имени И.П. Шамякина с 13 по 18 мая 2019 г. Раскрываются философско-методологические аспекты текста как межнаучного и междисциплинарного феномена, рассматриваются разнообразные текстотипы и жанры, представленные в современном коммуникативном пространстве, освещаются актуальные проблемы школьного и вузовского преподавания русского языка, литературы и речеведческих дисциплин, публикуются работы в области филологического анализу художественных текстов, в том числе посвящённые русским поэтам и писателям, чьи юбилейные даты отмечаются в 2019 году.

Адресуется научным работникам, преподавателям, аспирантам, студентам филологических специальностей.

Материалы сборника публикуются в авторской редакции.

УДК 81.161. (08)
ББК 81.2 Рус

Научное издание

ТЕКСТ. ЯЗЫК. ЧЕЛОВЕК

Сборник научных трудов

Корректор *В. В. Кузьмич*
Оригинал-макет *Л. И. Федула*

Подписано в печать .05.2019. Формат 60х90 1/8. Бумага офсетная.
Ризография. Усл. печ. л. 37,75. Уч.-изд. л. 31,75.
Тираж экз. Заказ .

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования «Мозырский государственный
педагогический университет имени И. П. Шамякина».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий N 1/306 от 22 апреля 2014 г.
Ул. Студенческая, 28, 247777, Мозырь, Гомельская обл.
Тел. (0236) 32-46-29

2. Vajman, S.T. (1989). *Garmonii tainstvennaya vlast'. Ob organicheskoj poehtike.* [Harmony mysterious power. On Organic Poetics]. Moscow: Sovetskij pisatel'. (In Russ).
3. Gukasova, A.G. (1973). *Boldinskij period v tvorestvje A.S. Pushkina. Kniga dlya uchitelja.* [Boldino period in the works of A.S. Pushkin. Teacher's book]. Moscow, Prosveshchenie, 1973.
4. Dal', V.I. (2006). *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka.* V. 4 t. [Explanatory dictionary of the living Great Russian language. 4 t.]. Moscow, Rus. yaz. Mediya. (In Russ).
5. Pushkin, A.S. (1973). *Romany, povesti, dramy.* [Novels, novels, dramas]. Moscow, Hudozh. Lit. (In Russ).
6. Toporov, V.N. (1997). *Vethij dom i dikij sad: obraz utrachenogo schast'ya (stranichka iz istorii russkoj poehzii). Oblik slova. Sb. Statej.* [Old house and wild garden: the image of lost happiness (a page from the history of Russian poetry). Face of the word. Collected papers.]. Moscow, RAS Russian Language Institute. (In Russ).

УДК 821.161.1-1.09:398(=161.1)

ПЕТЕРБУРГСКИЙ МИФ В ПОЭМЕ А.С. ПУШКИНА «МЕДНЫЙ ВСАДНИК»: ТРАДИЦИИ И НОВАТОРСТВО

Т.И. Тверитинова,

доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры мировой литературы
Киевского университета имени Бориса Гринченко,
г. Киев, Украина

e-mail: tivertinova@gmail.com

В статье исследуется влияние петербургской литературной и фольклорной традиций XVIII-начала XIX века на сюжет поэмы А.С. Пушкина «Медный всадник». С применением историко-генетического и сравнительно-типологического методов выявлены особенности пушкинской мифологизации столичного города: использование основных маркеров петербургского текста (климат, ландшафт, личность Петра I, эсхатология), дополненные авторской мифологизацией дома, «маленького» человека, противопоставления центр-периферия. Таким образом, поэт, усвоив классицистическую традицию, дополнил ее фольклорной и создал свой литературный миф, в котором величественное и трагическое составляют нерасторжимое единство.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, петербургская мифология, фольклорная традиция, эсхатология, литературный миф.

PETERSBURG MYTH IN THE POEM «MEDNYY VSADNIK» BY A.S. PUSHKIN: TRADITIONS AND INNOVATION

T.I. Tveritina,

associate Professor, Cand. Phil. D., associate Professor of the World Literature Department,
Borys Grinchenko Kyiv University,
Kyiv, Ukraine

e-mail: tivertinova@gmail.com

The article examines the influence of the St. Petersburg literary and folk tradition of the 18th –beginning of the 19th century on the plot of the poem "Medny Vsadnik" by A.S. Pushkin. With the help of historical-genetic and comparative-typological methods, the peculiarities of Pushkin's mythologization of the capital city were revealed: the use of the main markers of the Petersburg text (climate, landscape, personality of Peter I, eschatology) and the addition of the mythologization of the house, the "little" person, the center-periphery contrast. Thus, the poet, having mastered the classicist tradition, supplement edit with the folk one and created his own literary myth, in which the majestic and tragic constitute the in dissoluble unity.

Key words: A.S. Pushkin, Petersburg mythology, folk tradition, eschatology, literary myth.

Введение

Известно, что петербургская мифология начала формироваться с момента возникновения северной столицы. Если в официальной литературе XVIII века существовал миф о чудесном возникновении города и его гениальном строителе, то в петербургском фольклоре и в раскольниковых преданиях Петр и построенный им город воспринимались в резко отрицательных тонах. Об этом

писали Н.П. Анциферов, Г.В. Есипов, Е. Шмурло и другие исследователи.

В середине 20-х гг. XIX века в связи с политической обстановкой в России происходит переоценка былых ценностей, в ходе которой изменилось отношение к Петербургу. Город начал восприниматься не как Северная Пальмира, а как столица империи, олицетворение государственности. В русском обществе начинает проявляться особое «мифотворческое сознание», которому свойствен

но возникать в переломные, кризисные периоды истории. Мифогенная атмосфера способствовала проявлению у писателей активного интереса к петербургскому фольклору.

Внимание Пушкина к жанру устного салонного рассказа, являющегося своеобразной модификацией на более высоком интеллектуальном уровне городского фольклора, известно. Как результат этого интереса – «Уединенный домик на Васильевском», насыщенный городской демонологией и эсхатологией. Из трех петербургских повестей Пушкина – «Уединенный домик на Васильевском», «Пиковая дама» и «Медный всадник» – именно в последней Пушкин, активно апеллируя к городской мифологии, создает свой собственный литературный миф о столичном городе.

Цели и задачи

В обширной и достаточно изученной теме «Пушкинский Петербург» исследователи в большей или меньшей степени выделяли проблему созданного поэтом мифа о столичном городе (Н.П. Анциферов, Л.К. Долгополов, Э. Ло Гатто, Р.Г. Назиров, А.Л. Осповат, Р.Д. Тименчик, Л.В. Пумпянский, С.А. Фомичев, Т.И. Агаева, Е.Ф. Манаенкова и др.). Особо следует выделить современное диссертационное исследование А.Б. Перзеке «Медный всадник» А.С. Пушкина: концептуально-поэтическая инвариантность в русской литературе XX века (1917–1930-е годы), в котором рассматриваются изобразительно-выразительные принципы и феноменальные свойства «авторского литературного мифа национального масштаба» [4, с. 9].

Цель нашего исследования – проследить, как фольклорная и литературная традиции XVIII века, дополненные авторскими мифологемами на основе реального городского бытия, трансформировались в пушкинский синтетический миф о Петербурге.

Методы и материал исследования

Методологическую основу статьи составляют труды современных отечественных исследователей, посвященные проблеме литературного мифологизма. Используются историко-генетический и сравнительно-типологический методы, позволяющие выявить специфику формирования и историко-культурного функционирования пушкинского мифа о Петербурге.

По мнению Л.К. Долгополова, в последней петербургской повести «Пушкин предпринял попытку, которой суждено остаться единственной в своем роде: создать синтетический образ Петербурга, где традиция литературная оказалась бы дополненной традицией устной, фольклорной» [1, с. 155]. Те две идейно и композиционно неравные части произведения, на которые давно обратили внимание литературоведы, являют собой два разных облика столичного города: Петербурга вступления и Петербурга собственно поэмы, и каждая из этих частей представляет целостный, законченный миф о северной столице. Части эти и

в печати появились неодновременно: вступление как отрывок из поэмы под названием «Петербург» было напечатано в 1834 году и во многом способствовало укоренению мнения о Пушкине как певце «Петра творенья», в то время как трагический Петербург собственно поэмы предстал перед читателями уже после смерти поэта.

Вступление в поэме своими заключительными строками, напоминающими оду, – «Красуйся, град Петров, и стой / Неколебимо, как Россия, / Да умирится же с тобой / И побежденная стихия...» [6, с. 256] – завершают традицию официальной литературы XVIII века, когда поэты от Ф. Прокоповича до Г. Державина славляли Петра и построенный им город. Исследователь Л.В. Пумпянский, выделяя три формулы, восходящие к классицистической литературе предшествующего века – «из тьмы лесов, из топи блат», «где прежде..., там», «прошло сто лет» – с удивлением обнаружил, что все три одновременно они не встречаются ни в одном одическом тексте» [5, с. 123].

Петербургские мифы, которым итальянский русист Э. Ло Гатто дает определения из пушкинской поэмы [9], во вступлении объединены в одно целое: «Строитель чудотворный» («Здесь будет город заложен») [6, с. 254], «Окно в Европу» («корабли / Толпой со всех концов земли / К богатым пристаням стремятся») [6, с. 255], «Москва и Петербург» («И перед младшею столицей / Померкла старая Москва...») [6, с. 255], «Северная Пальмира» («Красуйся, град Петров, и стой / Неколебимо, как Россия...») [6, с. 256].

Поэма пронизана темой Петра, который «уздой железной Россию поднял на дыбы» [6, с. 265]. Тенденция Пушкина к мифологизации Петра очевидна: ни во вступлении, ни в собственно поэме не называется ни имя его, ни дается портретная характеристика, что является важнейшим признаком сакрального текста, в частности – Библии. Однако, как уточняет И.В. Немировский, наряду с запрещением имени Бога и любого его изображения «запрещалось произносить имена кумиров, идолов, т.е. ложных богов; особенный грех – отнесение святого имени к объекту, который не обладает святостью» [3, с. 7]. Во вступлении Петр богоподобен, ибо обладает чудесной волей побеждать стихию (ср. «И сказал Бог: да будет свет. И стал свет». – Бытие, 1,3).

Однако Петр выступает не только как победитель стихии, но и строитель города, что вызывает еще одну мифологическую ассоциацию: первым библейским строителем города, как известно, был Каин (Бытие, 4,7). Преступное прошлое мифологического героя позволяет предполагать преступные действия «строителя чудотворного» в обращении с «человеческим материалом». Данное сопоставление выступает промежуточным звеном в процессе десакрализации Петра. В собственно поэме он предстает уже не как богочеловек, а как статуя, медный всадник, символизирующий его город. По мнению Р.О. Якобсона, «именно православная традиция, которая сурово осуждала искусство скульптуры... и понимала его как языческий или сатанинский порок,... внушила Пушкину

прочную ассоциацию статуй с идолопоклонством, с сатанинскими силами, с колдовством» [8, с. 173]. Медный всадник персонифицирует собой Петербург, концепция которого реализована в пушкинском произведении на трех основных уровнях: на уровне позиции автора-повествователя, воплощающего в себе петербургское сознание, на уровне описания – картина Петербурга, на уровне рассказа – последовательные действия героя. Монумент, в котором воплотилась «петербургскость», способен оживать и вновь застывать, являясь демонической и разрушительной кажимостью. На фоне зловещей картины разгулявшейся стихии он представляется апокалипсическим всадником, связанным в Библии с эсхатологическим исходом.

А.Б. Перзекке пишет о формировании в пушкинской поэме мифа о Медном всаднике, о котором поэт «рассказал на языке космогонии и эсхатологии, первоэлементов: камня-металла-воды-огня, а также жертвы, бунта, потопа, деяний и судьбы героя, зловещей статуи» [4, с. 10].

Однако, как замечает В.Н. Топоров, «если своими истоками миф Медного Всадника уходит в миф творения города, то своим логическим продолжением он имеет эсхатологический миф о гибели Петербурга»

[7, с. 23]. Сознательная установка на мифотворчество, использование традиционных библейских сюжетов и образов подтверждает стремление Пушкина к достижению сходства ситуаций литературного произведения с известными мифологическими. Пушкин не случайно создает петербургскую повесть с наводнением – тем самым подтверждается ее идейная и философская направленность: показать Петербург не в расцвете цивилизации, а в начале и падении. «Тема города, обреченного на гибель за поклонение ложным божествам и кумирам их, пронизывает книги пророков Иезекииля, Иеремии, Наума, Захарии, Аввакума, Ездры» [3, с. 8]: «О, ты, живущий при водах великих, изобилующий сокровищами! пришел конец твой, мера жадности твоей» (Иеремия, 51, 53); «Я истреблю имена идолов с этой земли и не будут более упоминаемы» (Захария, 13, 2).

Впрочем не следует забывать и петербургские народные сказания, в которых городская мифология была тесно связана с эсхатологией: Петр – Антихрист, и его стремление обуздать стихию будет наказано: построенный им город ценой огромных жертв будет потоплен. О контакте Пушкина с петербургской легендой свидетельствует введение в описание картины наводнения детали, столь излюбленной в городском фольклоре: возвращение гробов с покойниками к своим обидчикам для вершения посмертного суда. В контексте поэмы это звучит так: «Пожитки бледной нищеты, / Грозой снесенные мосты, / Гроба с размытого кладбища / Плывут по улицам! Народ / Зрит Божий гнев и казни ждет [6, с. 259]. Здесь находит свое воплощение идея обреченности и торжества стихии, подтверждающая эсхатологический миф об «эксцентрическом городе». Однако последняя строка приведенного отрывка противоречит петербургской легенде: стихия выступает не мифическим союзником народа, а враждебной силой: «народ зрит Божий гнев и казни ждет». Следовательно, наводнения, как и «шестьдесят тысяч по-

гибших на строительстве, входили в расчет победы Петра» [2, с. 129].

Пушкин в своем мифе не выдумывал основной объект изображения: это современный город, климат, ландшафт и тип жителя которого удивительно специфичны и являются основными маркерами петербургского текста. Однако только в пушкинских петербургских повестях прослеживается мифологизация маленького домика на окраине большого города, бессильного перед inferнальными и хаотическими силами, как совершенно беспомощным перед ними оказывается и «маленький» городской житель.

В произведении наблюдается четкое пространственное «мифологическое» противопоставление центра и периферии. Герой живет на окраине города – в Коломне, любит девушку с Васильевского острова (другой окраины), мечтает о счастье, пока не попадает во время наводнения на центральную площадь с памятником Петру. Здесь мы находим еще одно важное подтверждение мифологического союза Петра и стихии: сокрушительный удар был нанесен окраине, в частности, Васильевскому острову, где жила любимая девушка с матерью, центр же был относительно пощажён, что и спасло Евгения. Однако и его спасение можно считать относительным: он совершенно выпадает из привычного уклада жизни города, оправившегося после наводнения: «Ни то, ни се, ни житель света, / Ни призрак мертвый» [6, с. 264]. «Омертвление» и выпадение Евгения из света, – как справедливо считает И.В. Немировский, – мотивируется его посещением «царства мертвых» – окраины Васильевского острова, ... чему предшествует переправа и встреча с перевозчиком», что вполне напоминает картину дантового «Ада» [3, с. 14]. Воспоминание (анамнезис) как отпечаток космологической мысли проясняет его сознание, когда некоторое время спустя он вновь очутился в центре, наедине с «мощным властелином судьбы». Потрясение Евгения в результате столкновения с Медным всадником выявляет зону наибольшей опасности в городе для бедного жителя – площадь, на которой возвышается памятник Петру («И с той поры, когда случилось / Идти той площадью ему, в его лице изображалось / Смятенье...» [6, с. 265]. Петербург с Медным всадником давит на бедняка, скрывает его волю, оставляя, впрочем, одну свободу – свободу сойти с ума и умереть.

В книге «Достоевский и романтический реализм» американский исследователь Д. Фенгер пишет, что Пушкин в «Медном всаднике» открыл трагическую ноту Петербурга: «Абстрактному величию противопоставлена конкретная гибель смиренных людей, общественному подвигу – частная жертва. Тем самым, образ города раздваивается: уже не пассивно героический, он становится активным и кроме того – антагонистичным... Ощущение нереальности города составляет сердцевину петербургского мифа» [10, с. 104].

Как замечает А.Б. Перзекке, в современном пушкиноведении образ Евгения приобретает значительное расширение «его интерпретационного диапазона в мифопоэтическом и социально-психологическом измерениях» [4, с. 17]. По мнению исследователя, «образ героя имеет многоплановую архетипическую основу. Он – сирота. В его

семейных устремлениях ошутим космогонический миф. Евгений охвачен эросом, воплощает в себе архетип рода. Поэт придает ему житейскую достоверность, онтологическую значительность, черты «неотмирности», делает его трагическим героем» [4, с. 18]. Судьба мелкого чиновника, которого раздавил Петербург, персонифицированный в Медном всаднике, приобретает характер универсально-обобщающего праобраза, т.е. является одновременно и макро- и мета- исторической, и мифопоэтической.

Результаты и их обсуждение

Как видим, в поэме «Медный всадник» Пушкин, отталкиваясь от петербургской мифологии предшествовавшего века, опирался, прежде всего, на петербургский текст фольклорной традиции (климат, ландшафт, наводнение, фигура Петра-строителя, эсхатология). В процессе создания своего мифа он мифологизирует дом (маленький домик на окраине большого города), пространство (антиномию центр-периферия), человека (не по

роду занятий или по характера, а по судьбе жителя Петербурга.

Выводы

Таким образом, Пушкин, создавая в своей поэме образ города трагической красоты и безумия, опирался, прежде всего, на петербургскую мифологию с ее протестом и фантастикой. Талант и жизненная мудрость позволили поэту увидеть и осознать столичный город в историко-философском осмыслении, завершить традицию классицистической литературы, прославляющей Петра и его город, утвердить пришедшее из городского фольклора эсхатологическое представление о северной столице и создать на его основе литературный миф, насыщенный мотивами из библейской мифологии.

Две стороны Петербурга – величественная и трагическая – составляют у Пушкина нерасторжимое единство, основанное на внутренней противоречивости, которая является «отражением реальной противоречивости и деятельности Петра, и его личности, и облика основанной им столицы» [1, с. 155].

Литература

1. Долгополов, Л.К. На рубеже веков. О русской литературе конца XIX – начала XX века / Л.К. Долгополов. – Л.: Советский писатель, 1985. – 352 с.
2. Назиров, Р.Г. Петербургская легенда и литературная традиция / Р.Г. Назиров // Традиции и новаторство. – Вып. III. – Уфа, 1975. – С. 122–135.
3. Немировский, И.В. Библиейская тема в «Медном всаднике» / И.В. Немировский // Русская литература, 1990. - № 3. – С. 3–17.
4. Перзек, А.Б. «Медный всадник» А.С. Пушкина: концептуально-поэтическая инвариантность в русской литературе XX века (1917-1930-е годы): автореф. дис. ...д-ра филол. наук: 10.01.01 / А.Б. Перзек. – Великий Новгород, 2012. – 39 с.
5. Пумпянский, Л.В. «Медный всадник» и поэтическая традиция XVIII века / Л.В. Пумпянский // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. – М.-Л.: АН СССР, 1939. – Вып. 4-5. – С. 91–124.
6. Пушкин, А.С. Медный всадник / А.С. Пушкин // Сочинения в трех томах. – М.: Художественная литература, 1964. – Т. 2. – С. 254–266.
7. Топоров, В.Н. Петербургский текст русской литературы / В.Н. Топоров. – С.-Петербург: «Искусство – СПб», 2003. – 616 с.
8. Якобсон, Р.О. Статуя в поэтической мифологии Пушкина / Р. Якобсон // Работы по поэтике. – М.: Прогресс, 1987. – С. 145–181.
9. Lo Gatto, E. Il mito di Pietroburgo. Storia, leggenda, poesia / E. Lo Gatto. – Milano, 1960. – 289 p.
10. Fanger, D. Dostoevsky and Romantic Realism. A study of Dostoevsky in relation to Balzac, Dickens and Gogol / D. Fanger. – Cambridge, Mass., 1965. – 307 p.

References

1. Dolgoplov L.K. (1985). *Na rubezhe vekov. O russkoj literature konca XIX- nachala XX veka* [At the turn of the century. About the Russian literature of the end of the XIX-beginning of the XX centuries]. Leningrad: Soviet writer. (In Russ).
2. Nazirov R.G. (1975). *Peterburgskaya legenda I literaturnaya traditsiya. Traditsii I novatorstvo*. [Petersburg legend and literary tradition. *Traditions and Innovation*]. 3, 122–135. (In Russ).
3. Nemirovskiy I.V. (1990). *Bibleyskaya tema v «Mednom vsadnike»*. *Russkaya literature*. [Biblical theme in the Bronze Horseman. *Russian literature*]. 3, 3–17. (In Russ).
4. Perzeke A.B. (2012). «*Mednyy vsadnik*» A.S. *Pushkina: kontseptual'no-poeticheskaya invariantnost' v russkoj literature XX veka (1917-1930-ye gody)* [“The Bronze Horseman” A.S. *Pushkin: conceptual-poetic invariance in Russian literature of the twentieth century (1917-1930-ies)*] [Author’s abstr. doct. philol. diss.]. Veliky Novgorod. (In Russ).
5. Pumpjanskiy L.V. (1939). «*Mednyy vsadnik*» I poeticheskaya traditsiya XVIII veka. *Pushkin. Vremennik Pushkinskoj komissii*. [“The Bronze Horseman” and the poetic tradition of the XVIII century. *Pushkin. Temporary Pushkin Commission*]. 4–5, 91–124. (In Russ).
6. Pushkin A.S. (1964). *Mednyy vsadnik. Sochineniya v trekh tomakh*. [The Bronze Horseman. *Works in three volumes*]. 2, 254–266. (In Russ).
7. Toporov V.N. (2003). *Peterburgskiy tekst russkoj literatury*. [Petersburg text of Russian literature]. S.-Petersburg: “Art - St. Petersburg”. (In Russ).
8. Jakobson R.O. (1987). *Statuya v poeticheskoy mifologii Pushkina. Raboty po poetike*. [Statue in Pushkin's poetic mythology. *Works on poetics*]. Moscow: Progress. (In Russ).
9. Lo Gatto E. (1960). *Il mito di Pietroburgo. Storia, leggenda, poesia*. Milano. (In Ital.)
10. Fanger D. (1965). *Dostoevsky and Romantic Realism. A study of Dostoevsky in relation to Balzac, Dickens and Gogol*. Cambridge: Mass.